

Олег Мухутдинов

О ПОНЯТИИ ВЕСЕЛОЙ НАУКИ

С обыденной точки зрения, смех можно рассматривать как проявление эмоциональной реакции человека на происходящие вокруг него события. Эта характеристика ни в коей мере не претендует на исчерпывающее логическое определение феномена смеха, напротив, она является первой попыткой выделить смех в качестве одного из явлений повседневной человеческой жизни. Смех связан с конкретными душевными переживаниями. Понятие души относится к области ведения психологической науки. Т. о., психология является наиболее подходящей дисциплиной для конкретно-эмпирического анализа различных проявлений смеха. К их числу относятся, к примеру, веселый и грустный, радостный и горький смех.

Однако психологический подход налагает существенные ограничения на возможности исследования феномена смеха. Способность смеяться связана с настроением. Настроение является одной из фундаментальных характеристик бытия человека в мире; мир поэтому всегда воспринимается в свете определенного настроения. Смех, подобно другим экзистенциальным феноменам, конституирующим существование человека, является условием возможности представления действительности как таковой в целом. Психология принадлежит к числу эмпирических наук, о которых ни в коем случае нельзя сказать, что они интересуются проблемой определения сущего как целого. Т.о., подлинные возможности исследования сущности смеха заключены не в психологии, а в логике и метафизике смешного.

Но разве не возникает в этом случае странная ситуация? Смех может быть предметом научного исследования только в рамках «веселой науки». Серьезно вести речь о смешном или допускать смешное в область, которая, как кажется, не допускает никакой веселости – разве все это не приводит к превратному пониманию сущности смеха и науки? Ведь в науке нет и не может быть вещей, над которыми можно было бы смеяться.

И все же эти опасения следует отбросить как совершенно бессмысленные. Аналитика человеческого существования включает в себя не только описание таких экзистенциальных определений как страх и ужас, но в равной мере представляет собой и феноменологию смешного. Идея «веселой науки», формально ассоциирующаяся с именем Ницше, является верной спутницей идеи философии как строгой науки. Вопрос о сущности «веселой науки» здесь преследует историко-философскую цель, т.к. прежде всего он позволяет раскрыть понятие «веселой науки» в одноименной книге Ницше. Однако вместе с прояснением принципиальной метафизической позиции Ницше создаются предпосылки для понимания роли смеха в логике и метафизике как предельных возможностях существования человека.

Предварительное и ни в коем случае не исчерпывающее сути дела

прояснение идеи «веселой науки» требует пристального внимания к двум первым фрагментам книги Ницше. Эти фрагменты озаглавлены: «Учителя о цели существования» и «Интеллектуальная совесть». Оба заголовка не содержат ни малейшего указания на смех и смешное и на первый взгляд не дают ни единого повода для перехода от серьезного к веселому. Тем не менее, в первом фрагменте Ницше выдвигает требование: «Ueber sich selber lachen, wie man lachen müsste, um aus der ganzen Wahrheit heraus zu lachen» [7, s. 370], т. е. «Смеяться над самим собой, как следовало бы смеяться, чтобы смеяться из самой истины в целом» («чтобы высмеяться по всей правде», как гласит русский перевод [3, с. 514]). Это требование еще не может быть выполнено в настоящем времени и поэтому относится к возможному будущему. Соединение смеха и мудрости, благодаря которому только и возникает «веселая наука», связано еще с одним условием, а именно – с воплощением в действительной жизни положения «Род есть все, некто есть всегда никто» [3, с. 514]. Каким образом приходит Ницше к идее взаимосвязи смеха и родовой жизни человека?

Смеяться по правде означает: смеяться по-настоящему. Смеяться по-настоящему – значит, смеяться «aus der ganzen Wahrheit heraus», т. е. смеяться из самого существа истины. Но истина – это не просто «вся истина». Истина есть условие возможности явления сущего как сущего в целом. Поскольку истинное и сущее являются коррелятивными понятиями, постольку истинное всегда есть целое. «Aus der ganzen Wahrheit heraus zu lachen» означает следовательно: отдавать себе отчет в отношении собственного положения среди сущего в действительном мире. Последнее требование связано с идеей ясного и отчетливого познания, которое не довольствуется видимостью поверхностных объяснений, но стремится дойти до предельных оснований всякого исследуемого явления. В центре внимания такого познания оказывается действительная историческая жизнь человека. В соответствии со сложившейся в Новое Время тенденцией история человеческого рода была представлена в метафизических учениях как история поступательного движения разума на пути к конкретной цели. Различные виды морали и религии являлись формами представления рационального знания о всемирной истории. Время господства морали и религии, которое осознает себя в качестве трагической эпохи, Ницше именует «комедией существования». Эта трагикомедия разыгрывается от лица одиночек, утверждающих необходимость веры в разумность – а, следовательно, и в целесообразность, – человеческой истории. Характеристика истории как всемирного процесса у Гегеля содержит важное в этом отношении указание: «Ведь если к рассмотрению всемирной истории не приступают с уже определившейся мыслью, с познанием разума, то следует по крайней мере твердо и непоколебимо верить, что во всемирной истории есть разум и что мир разумности и самосознательной

воли не предоставлен случаю, но должен обнаружиться при свете знающей себя идеи. В действительности же мне не нужно заранее требовать такой веры. То, что я предварительно сказал и еще скажу, следует принимать и по отношению к нашей науке не за предпосылку, а за обзор целого, за результат того исследования, которым мы займемся, – за такой результат, который известен мне, потому что я уже знаю целое» [1, с. 65].

Ироническая реакция Ницше, утверждавшего, что «для Гегеля вершина и конечный пункт мирового процесса совпали в его собственном берлинском существовании» [4, с. 210], оразила духовное настроение эпохи, которая уже не воспринимала тяжеловесные конструкции догматической метафизики. Тем не менее, самая радикальная попытка преодоления спекулятивной философии Гегеля – здесь имеется в виду система исторического материализма, основывавшаяся как раз на идее родовой сущности человека, – полностью воспроизвела логические конструкции последней великой системы западноевропейской метафизики. Достаточно сравнить логику двух высказываний, чтобы увидеть тождество рационалистического понимания идеи времени и истории у Гегеля и Маркса. Первое положение относится к ранним наброскам системы Гегеля и гласит: «сущностью настоящего является будущее, которому настоящее не может противостоять» [4, с. 203]. Второй тезис утверждает, что коммунизм – это «действительное движение, которое уничтожает нынешнее состояние» [2, с. 34]. Если в одном случае речь идет о формальном, вытекающем из сущности логики, определении времени, то во втором случае дело касается уже содержательного истолкования всемирно-исторического процесса.

После такого сопоставления становится ясно, что с точки зрения «Веселой науки» Гегель и Маркс могут быть причислены к учителям, рассуждающим о цели существования. Вся борьба диалектического материализма против объективного идеализма выглядит отныне нелепой, ибо телеология разума подменяется в марксизме идеологической телеологией. Попытка научного обоснования теории исторического прогресса оказывается проблематичной. В этом случае можно было бы только посмеяться над незадачливыми последователями марксизма, которые в поисках аутентичного Маркса забыли о действительной жизни. Но каким может быть этот смех в «веселой науке»?

«Смеяться – значит быть злорадным, но с чистой совестью» [3, с. 612]. Смех выступает здесь в качестве условия возможности радикального преодоления заблуждений человеческого интеллекта. Ибо и разум способен ошибаться, – и в таком случае наука, которая представляется на первый взгляд совершенно надежным средством исследования положения человека в космосе, так же не застрахована от ошибок. Содействие науке было основано на вере в то, что с ее помощью можно постичь порядок

божественного мироустройства и взойти от познания творения к творцу, на представлении о присущей науке полезности и на убеждении в ее моральности. Однако все эти положения суть в действительности заблуждения, поскольку их исходный принцип оказывается проблематичным. В таком случае смех – это выявление несостоятельности принципиальной позиции учений о цели существования. Речь идет не о смехе оптимиста, но о смехе пессимиста. Однако такой пессимизм не имеет ничего общего с пессимизмом слабости Шопенгауэра. Тот, кто смеется с чистой совестью, смеется с позиции силы. Поэтому понятие совести является решающим для понимания сущности смеха.

Чистая совесть познающего – это интеллектуальная совесть. Опыт повседневной жизни свидетельствует об отсутствии интеллектуальной совести у большинства, к которому принадлежат в том числе и многочисленные учителя, рассуждающие о цели существования. Интеллектуальная совесть есть стремление к достоверности в отношении основательности и содержательности познания. Тем не менее, повседневность не нуждается в такой достоверности. «Подавляющее большинство не считает постыдным верить в то или другое и жить соответственно этой вере, без того, чтобы сначала осознать последние достоверные основания за и против (*ohne sich vorher der letzten und sichersten Gründe für und wider bewusst worden zu sein*) и даже не прилагая усилий к тому, чтобы найти себе такие основания задним числом (*ohne sich auch nur die Mühe um solche Gründe hinterdrein zu geben*), – самые одаренные мужчины и самые благородные женщины принадлежат все еще к этому “подавляющему большинству”» [7, s. 373]. Большинство, о котором идет речь – это большинство повседневности. Повседневность чужда исследовательскому отношению к действительности и потому предпочитает довольствоваться привычными готовыми ответами, благодаря которым все неизвестное приобретает видимые черты известного. Но в таком случае неспособность повседневности к поиску вопросов есть не что иное как бегство от неизвестного или страх перед действительностью, что можно еще охарактеризовать как отказ от мышления. Именно наивная вера в то, что привычное является истинным, является поводом для смеха «веселой науки».

Интеллектуальная совесть является стремлением к осознанию последних достоверных оснований за и против. Это означает, что совесть, точно так же как и сознание, является принципом ясного и отчетливого познания. Исходный пункт новоевропейской метафизики, положение Декарта «*cogito, ergo sum*», ставит в центр мира субъективность, основными определениями которой являются сознание и совесть. Сущностью субъективности является знание себя самого или самосознание. Субъективность есть основание взаимосвязи знания. Субъективность

субъекта, как неустанная деятельность, сводящая воедино [различные] акты знания, есть знание как тотальность («Die Subjektivität des Subjekts ist als Versammlung co-agitatio (cogitatio), die conscientia, das Ge-wissen, conscience») [6, s. 239]. То, что здесь именуется das Ge-wissen, имеет в виду не только совокупность всего принадлежащего субъекту знания, но и совесть. Совершенно не случайно поэтому в экзистенциально-онтологической аналитике существования Хайдеггера появляется раздел, посвященный исследованию феномена совести как условия возможности собственного, т. е. действительного, существования. Идея совести связана со способностью различения, т. е. со способностью прислушиваться к голосу совести и видеть суть дела, а потому совесть есть условие выявления являющегося, т. е. сущего.

Поскольку «веселая наука» ставит под вопрос достоверность того, что повседневность выдает за истину, постольку она содержит требование переоценки всех ценностей.

Веселая наука – это наука смеющейся мудрости. Мудрость есть стремление к исследованию первых оснований существующего. Поэтому «веселая наука» является экспериментом познающего, исследованием, в котором нет ни одного факта и суждения, в отношении которых нельзя было бы поставить вопрос об их предельных основаниях. «Веселая наука» не ставит своей задачей поиск ответов на вопросы, ее цель – сам вопрос. Философия как веселая наука – это не ответ, а ответственность. Но тогда смех с чистой совестью – это смех того, кто сознает свою ответственность. Возможно, что с этим смехом связаны три превращения духа, о которых идет речь в первой части «Так говорил Заратустра». Одно остается несомненным: смех «веселой науки» создает предпосылку для нового начала мышления.

1. Гегель Г. Философия истории.– СПб.: Наука, 1993.– 480 с.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.: 2-е изд.– Т. 3.– М.: Госполитиздат, 1955.– С. 7–544.
3. Ницше Ф. Веселая наука // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. / Сост., ред. изд., вступ. сл. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем.– Т. 1.– М.: Мысль, 1990.– С. 491–719.
4. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. / Сост., ред. изд., вступ. сл. и примеч. К. А. Свасьяна; Пер. с нем.– Т. 1.– М.: Мысль, 1990.– С. 158–230.
5. Hegel G. W. F. Jenenser Logik, Metaphysik und Naturphilosophie. Berlin, 1968.
6. Heidegger M. Nietzsches Wort «Gott ist tot» // Heidegger M. Holzwege. Frankfurt am Main, 1980.
7. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. Kritische Studienausgabe, hrsg. v. G. Colli und M. Montinari. München, Bd. 3.